

Ланс еще никогда в жизни не чувствовал себя настолько... лишенным слов.

В тот самый момент, когда он посмотрел в ту сторону, парень на крыше стадиона, ведомый одному ему известными мотивами, небрежно сунул MP3-плеер в карман. Стоило ему наклониться, как парящая перед ним нежно-голубая преграда услужливо качнулась следом, точно повторяя движение хозяина. А когда он выпрямился, барьер мгновенно разгладился, натянувшись струной, словно преданный пес, заглядывающий в глаза владельцу.

Эта штука казалась Лансу до боли знакомой. Настолько, что он готов был поклясться: именно такую защиту кто-то использовал сегодня утром в аудитории. Тот же оттенок, тот же мягкий блеск, та же безупречная прозрачность — сходство было абсолютным, точнее любой экспертизы.

У юноши слегка дернулся уголок губ.

В сущности, желание Чжань Пинчуаня прикончить Боласа и Клову не вызывало у него удивления. В конце концов, Старший господин гильдии Глаз Демона еще в день открытия вступил в конфликт с Эрdifом, и тот на стадионе действительно вознамерился его убить. Если бы Болас восстановил сцену преступления, Пинчуань стал бы первым и главным подозреваемым.

Поражало другое: как этот человек мог действовать настолько беспардонно? Лезть на рожон, плевать на все меры предосторожности и буквально напрашиваться на неприятности прямо под носом у ищеек.

— Маленький господин, что вы там увидели? — Безумный Клоун, прислонившись к стволу платана, скучающе крутил на пальце кольцо на цепочке. Видно было, что он томится от безделья и в то же время изнывает от нетерпения.

Ланс слегка выдохнул, не отрывая взгляда от Чжань Пинчуаня. В его глазах вспыхнул едва заметный огонек.

— Твоя помощь больше не потребуется.

Самым опасным противником оставался Болас. Его чуткость к звукам граничила с даром предвидения: любая атака Ланса или Клоуна дала бы офицеру достаточно времени, чтобы уклониться.

— С чего вдруг? — рот Клоуна, измазанный гримом, недовольно искривился.

Маленький господин покрепче перехватил винтовку. Он слегка склонил голову к правому

плечу, и выбившаяся из шелковой ленты прядь волос упала ему на переносицу. Прищурившись, он навел перекрестье восьмикратного прицела на Клову, которая даже не подозревала о нависшей угрозе. Кончики ресниц коснулись волос, придавая его взгляду налет пугающего изящества.

Палец Ланса лег на спусковой крючок.

— У меня появилось оружие получше, — многозначительно произнес он.

***

Крыша стадиона

На крыше стадиона Чжань Пинчуань, убирая плеер, лишь насмешливо хмыкнул. Определять источник звука при такой интенсивности атаки он научился еще в начальной школе.

Благодаря «научному» подходу к воспитанию со стороны Лао Чжана и господина Управляющего — этих двух гениев педагогики, — в подобных ситуациях он невольно вспоминал об ударах метлы, кожаном ремне и подошвах тапочек. Как говорится, «вороненок кормит мать, а ягненок преклоняет колени», и юноша, преисполненный этой специфической благодарности, всегда мгновенно вычислял цель, чтобы нанести один смертельный удар. Не зря ведь говорят, что счастливое детство исцеляет всю жизнь.

С того момента, как Болас выпустил низкочастотную стоячую волну, до того, как Пинчуань установил его точное местоположение, прошло не более тридцати секунд. Импульсы шли со стороны парковки, где, явно для отвода глаз, стояли десятки машин. Юноша быстро просканировал каждую и заметил, что почти все окна затянуты темной пленкой, а в свете солнца разглядеть что-либо внутри было невозможно.

Тогда он перевел взгляд с окон на шины. С высоты обзор был превосходным, и вскоре он заметил: на всей парковке лишь у одного автомобиля покрышки были заметно просевшими под тяжестью.

«В машине кто-то есть!»

Чжань Пинчуань хмыкнул. В такую жару сидеть в заглушенной машине и не выходить наружу — значит, не очень-то дорожить жизнью. Ну а раз так, то он, как достойный представитель молодежи нового поколения и образцовый житель Города Пустыни, просто обязан пойти навстречу ближнему. Движимый пылким сердцем и желанием помочь, он решил облегчить Боласу его последний путь.

Тот просто убрал барьер, позволяя стоячей волне беспрепятственно ударить по нему. Наполненные жаждой убийства колебания прошли одежду, заставляя кровь пульсировать в

венах, а внутренние органы — мелко вибрировать. Но Чжань Пинчуань лишь засунул руки в карманы и, глядя в сторону цели, насмешливо склонил голову.

Внезапно нежно-голубая преграда материализовалась прямо над крышей машины офицера. В мгновение ока, прежде чем Болас успел хоть как-то среагировать, барьер рухнул вниз. Точно несокрушимая фреза, он с легкостью разрубил седан пополам!

Поднялось облако пыли. Черная машина бизнес-класса издала натужный скрежет, и стоило какому-то винтику со звоном упасть на асфальт, как автомобиль с грохотом развалился на две части.

Яркий солнечный свет залил салон, в воздухе повис густой запах крови.

Офицер в ужасе расширил глаза. Он собирался активировать [Захват голосового отпечатка], чтобы определить характер угрозы, но внезапно почувствовал, как сверху дохнуло холодом. В следующую секунду его лицо и затылок, точно банановая кожура, разошлись в разные стороны.

— Болас? Что у тебя происходит?!

Клова прижала ладонь к наушнику, нахмурившись. Недоброе предчувствие ледяной змеей поползло по ее спине. С момента входа в кампус она уже слишком долго не получала вестей от напарника.

Словно почуяв запах крови, Офицер Клова бросила студента, не дослушав его путаных объяснений, и вскинула голову, всматриваясь вдаль. Но воздух словно прошло невидимой спицей. Маленькая черная точка стремительно неслась к ней. В голове стало пусто, и прежде чем женщина успела осознать опасность, запах пороха и свинца вдребезги разнес ее «дворец визуализации».

Пух!

Огромная инерция заставила Клову пошатнуться. Дрожащей рукой она коснулась переносицы, откуда буйным потоком хлынула кровь. Горло ее судорожно дернулось, изрыгая лишь хриплые звуки:

— Это же...

Снайпер.

— А-а-а-а! — студент истошно завопил, глядя на то, как знакомый преподаватель на его глазах превращается в незнакомую блондинку с дырой во лбу. Женщина, чье лицо мгновенно залило багрянцем, с глухим стуком рухнула прямо перед ним.

— Убили! Учитель пол сменил! На помощь! — парень, спотыкаясь и воя от ужаса, бросился прочь.

— Заткнуться! Всем молчать!

— Работает следственный отряд «Синего Центра»!

Десятки ищеек со щитами и оружием наперевес высыпали на площадь, мгновенно окружив ее тело. В воздухе смешались крики, топот ног, завывание сирен и треск раций — все это напоминало раскаленную сковороду, в которую плеснули ледяной воды.

— Живее к офицеру Боласу!

— С господином Боласом тоже беда!

Эта новость ударила по нервам гвардейцев не хуже грома. Холодный пот мгновенно пропитал их бронежилеты. Неужели и офицер Болас тоже?..

— Немедленно заблокировать все выходы из университета! Начать поиск подозреваемых! Первая группа — за мной, на помощь к Боласу!

Они говорили о помощи, но в глубине души понимали: спасти там некого. Разрушительная мощь способностей была такова, что от места происшествия любого неподготовленного человека мгновенно вывернуло бы наизнанку.

— Доложите ректору: с этой минуты ни один студент и ни один преподаватель не покинет территорию Синда до завершения расследования!

Машины «Синего Центра» бескончаемым потоком вливались в кампус, беря его в плотное кольцо.

***

Административный корпус

В административном корпусе ректор, на ходу впрыгивая в сандалии и даже не успев нацепить парик, пулей вылетел из кабинета. По дороге он столкнулся с деканом факультета атрибутов Хэ Цзиньэнем. Тот, сохраняя свое обычное благодушие, попытался его урезонить:

— Господин ректор, не спешите так. Наденьте хотя бы парик.

Янь Цили лишь отмахнулся, на его лице отразилась смесь досады и беспокойства.

— Я специально его не взял, — честно признался он. — Ждал, когда этот тип закончит строить из себя невесту что, а он возьми да помри. Помер — и ладно, но ради приличия перед Федерацией я должен изображать бурную деятельность.

Хэ Цзиньэнь не удержался от смешка:

— Вот за это я вас и уважаю. Сразу видно — ректор.

Янь Цили вздохнул:

— Сплошные церемонии. Ты бы хоть тоже лицо показал?

Цзиньэнь поспешил отказаться:

— Ну уж нет. Карьеризм — это не мое. Мне и так неплохо живется, в тени да в покое.

Ректор знал, что Хэ Цзиньэнь по натуре лентяй, и настаивать не стал. Вместо этого он еще сильнее взъерошил остатки собственных волос и, придав лицу выражение глубочайшей скорби, зычно закричал на весь коридор:

— Как там наши офицеры?! Держитесь, господа, только держитесь!

Его голос эхом разнесся по этажам, и снизу тут же отозвались:

— Господин ректор, примите соболезнования! Боюсь, офицеры уже...

Тот, точно убитый горем вдовец, всплеснул руками и горестно застонал:

— О, господа офицеры, как же так!..

Хэ Цзиньэнь проводил ректора взглядом и, заложив руки за спину, задумчиво посмотрел в сторону стадиона. Сумерки сгущались. Ветер, врываясь в открытое окно, шелестел его одеждой, заставив широкий рукав задраться и обнажить кончики пальцев, охваченные едва заметным мерцанием. Это сияние вспыхнуло лишь на миг, и мощная волна информационной эссенции, густая и насыщенная, накрыла комнату. Оконные рамы мелко задрожали и стихли лишь спустя долгое время.

Спрятав руки обратно в рукава, Хэ Цзиньэнь расплылся в улыбке и покачал головой:

— Дети... Всё-таки они еще совсем дети. Действуют, не оглядываясь на последствия.

***

Когда все улеглось и Клова упала замертво, Чжань Пинчуань лишь удовлетворенно вскинул бровь. Он знал, что «Белый Фараон» затаился где-то рядом и наблюдает, и своим бездействием фактически дал молчаливое согласие на это сотрудничество.

Правда, надежды захватить кого-то живым для допроса рухнули. Снайпер использовал глушитель, и вычислить его позицию было бы слишком хлопотно. Если вдуматься, его самого только что использовали по полной программе: не убей он Боласа первым, неизвестно, сколько бы еще противник связывал им руки.

Молодой человек невольно скрипнул зубами. Как ни крути, а он остался в проигрыше: Эрдифа убил не он, правду о Войне по подавлению мятежа так и не узнал, а теперь еще и оказался с этим «Белым Фараоном» в одной постели... то есть, лодке.

«Тьфу ты!» — Пинчуань мысленно выругался, решив, что рано или поздно выловит этого хитрого лиса и избавит мир от его присутствия.

Почему-то именно в этот момент он вспомнил о Лансе. У того были такие же «лисьи» глаза — чуть острые в уголках и приподнятые к вискам. Но взгляд Ланса был куда чище и наивнее, в нем не было и капли того коварства. Все-таки какая бездонная пропасть может разделять людей.

Размышляя об этих янтарных глазах, Пинчуань вдруг осознал: его благоухающее сокровище всё еще ждет в постели свои шаомаи с ягнятиной и редькой.

«Твою же мать!»

Он в ужасе глянул на часы. Прошел целый час! Да за это время пшеницу можно было с нуля вырастить и собрать!

Чжань Пинчуань с силой потер переносицу и, не колеблясь ни секунды, спрыгнул с крыши, прямо по воздуху несясь в сторону столовой. Он готов был поклясться, что никогда в жизни не бегал так быстро. Даже если бы ему пришлось везти жену в роддом, он вряд ли развил бы такую скорость.

Ворвавшись в столовую подобно урагану, Пинчуань сдвинул кепку на затылок, обнажая взмокшие виски. Капля пота скатилась по его четко очерченной челюсти, оставив влажный след на смуглой шее. Он небрежно взъерошил крашенные волосы, при этом два бирюзовых кулона в его ушах мелодично звякнули.

В столовой яблоку было негде упасть. Очереди у каждого окна растянулись до самого выхода. И лишь у прилавка с шаомаями царило запустение — очевидно, последняя порция уже была продана.

Но в этом мире не было проблем, которые не решались бы деньгами. А если не решались — значит, денег было недостаточно.

Зоркий взгляд Пинчуаня тут же выхватил маленького Омегу, который как раз отходил от окна с заветной коробочкой. Тот оказался на редкость аккуратным: он завязал пакет бантиком и даже воткнул за узел две пары палочек.

Старший господин в два шага нагнал его и крепко схватил за руку. Уставившись на шаомаи взглядом, полным скорби, он произнес самым проникновенным тоном:

— Друг... С тех пор как умерла моя мама, я не пробовал ничего, что напоминало бы мне вкус ее домашних шаомаев с ягнятиной. Десять лет... Десять долгих лет я ждал этого запаха. И вот сегодня я снова его почувствовал. Друг, у меня к тебе огромная просьба: продай мне их. Я отблагодарю тебя от лица моей будущей нев... кхм, от лица моей покойной мамы.

Тан Ли округлил глаза, не веря своим ушам:

— Чжань... Чжань Пинчуань?!

— Знаешь меня? — юноша вскинул бровь и, отбросив последние остатки стыда, продолжил нести чепуху. — Тогда ты должен понимать: я человек крайне эмоциональный, юноша с горячим сердцем. Один только запах этих шаомаев заставляет мою душу трепетать, а глаза — наполняться слезами. Ты ведь не сможешь мне отказать?

Тан Ли онемел на мгновение.

— Погоди... — выдавил он наконец. — Твое сердце разве не было холодным, как льды Килиманджаро? Что, уже оттаяло?

Чжань Пинчуань осекся. Кажется, он начал припоминать, кто именно стоит перед ним.

<http://bllate.org/book/15867/1435338>